

Птица, хлопая крыльями, приземлилась на единственное маленькое окошко камеры и встряхнула мокрой головкой.

Тусклый свет проникал сквозь решетку окна, окрашивая серебристо-белые волосы Чу Цзюбяня в золотистый оттенок.

Тоска в груди Цинь Сяо рассеялась, он погладил большим пальцем нефритовый перстень на правой руке, пристально глядя на Чу Цзюбяня.

Короткие черные волосы юноши были мягкими и пушистыми, лицо бледное и изящное, светлые зрачки отстранены и безучастны, ни малейшего проблеска эмоций. Даже в грубой холщовой одежде он казался возвышенным небожителем с девяти небес, отстраненно вззирающим на людскую суету у своих ног.

Но на его хрупкой шее отчетливо виднелся след от ладони — сине-багровый, пугающий, который мгновенно стаскивал его с божественного пьедестала в мирскую пыль.

Цинь Сяо, скрыв внутреннее удивление, произнес: «Ты выиграл».

Чу Цзюбянь не изменился в лице и ничего не ответил.

С того самого момента, как он решил притворяться божеством, он постепенно вживался в роль.

Он был профессиональным актером, приверженцем школы переживания (тиянь). В индустрии его игру сравнивали с игрой признанных мэтров.

До попадания сюда он играл полубога-верховного жреца, так что изображать божество, спустившееся на землю для прохождения испытаний, было не слишком сложно.

В отличие от их спокойной реакции, у Цинь Чаояна, скрывавшегося в тени, бешено колотилось сердце.

«Чудо», услышанное от других, было ничтожно по сравнению с потрясением, которое он испытал, увидев все своими глазами.

Ведь это был дождь! Само небесное явление!

И Чу Цзюбянь действительно предсказал его!

Что это за способность? Назвать это чудом — ничуть не преувеличить!

Сердце Цинь Чаояна долго не могло успокоиться, но благодаря сильной воле ему удалось сохранить невозмутимое выражение лица, не выдав своего потрясения.

Цинь Сяо пристально смотрел на Чу Цзюбяня мгновение, затем подошел к двери камеры и, протянув руку, слегка дернул тяжелый бронзовый замок.

Щелк.

Замок с готовностью открылся.

Одной лишь грубой силой он так легко вскрыл этот прочный замок — видно, какая у него мощная хватка.

Чу Цзюбянь медленно моргнул. Похоже, вчера тот все же не собирался его убивать, иначе его шея не была бы прочнее бронзового замка.

Цинь Сяо бросил замок, распахнул дверь камеры и, улыбнувшись, посмотрел на Чу Цзюбяня: «Прошу».

Чу Цзюбянь понимал, что Цинь Сяо не отпустит его так просто, скорее всего, переведет в другое место под домашний арест. Но если он сможет контактировать с людьми — пусть даже с прислугой — он сможет быстро увеличить число последователей и накопить очки веры.

Что бы он ни планировал делать в будущем, сейчас он мог рассчитывать только на себя и на систему.

К тому же его очень интересовали системный магазин и функция [Царство Бога], поэтому нужно было как можно быстрее собирать очки веры.

Выйдя из тюрьмы и ступив на дворцовую дорожку, Цинь Сяо зашагал все быстрее, оставив Цинь Чаояна сопровождать Чу Цзюбяня.

Цинь Чаоян, как и полагается самому надежному помощнику Цинь Сяо, без лишних указаний знал, как устроить Чу Цзюбяня.

Под его руководством Чу Цзюбянь пошел вперед.

Он поднял глаза: в нескольких десятках метров впереди мужчина в пурпурном одеянии шагал хоть и быстро, но степенно. Даже по одной спине было видно, что у этого человека есть план, что он ко всему готов.

Чу Цзюбянь опустил взгляд.

Цинь Сяо и маленький император — враги.

Враг моего врага — мой друг.

Чу Цзюбянь считал, что ему необходимо наладить хорошие отношения с маленьким императором. Не говоря уже о том, что в итоге именно он окажется способен победить Цинь Сяо, сама роль «главного героя» делала его самой надежной опорой в этом мире.

Но сейчас маленькому императору всего три года, а Цинь Сяо — двадцать пять, он только получил власть в свои руки и горит желанием проявить себя. Поэтому Чу Цзюбянь пока не мог с ним ссориться, по крайней мере, не мог вступать в открытое противостояние.

Иначе в этом Императорском дворце Цинь Сяо мог бы избавиться от него, даже не пачкая рук.

Поэтому, пока у него не появится возможность защитить себя, ему придется лавировать и налаживать отношения с Цинь Сяо.

К тому же сейчас вся власть сосредоточена в руках Цинь Сяо. Если тот поверит ему, а Чу Цзюбянь окажется для него действительно полезен, возможно, он даже даст ему какую-нибудь должность.

В эту жестокую эпоху у Чу Цзюбяня не было физической силы, а все, что он мог достать из системы, сделало бы его похожим на ребенка, несущего золото. Только обладая реальной властью, он сможет по-настоящему защитить себя.

Поэтому сейчас Чу Цзюбяню нужно было прежде всего сблизиться с Цинь Сяо, заставить его поверить, что он — «бог», и даже убедить, что они в одной лодке. И, что важнее, он должен был реально помочь ему, только тогда их союз будет прочным.

Поэтому его «божество» не могло вечно восседать на пьедестале, наоборот, ему нужно было встать рядом с Цинь Сяо и вместе с ним вершить власть.

Это делалось не только для того, чтобы убедить Цинь Сяо, но и ради самого Чу Цзюбяня.

Он лучше всех знал, что он вовсе не бог. Поэтому средства самозащиты не могли основываться только на системе или на поклонении других людей — это слишком зыбко.

Даже настоящего бога могут по разным причинам отвергнуть последователи, обвинить, восстать против него...

Что уж говорить о Чу Цзюбяне, самозванце. В истории было множество примеров «ниспровержения богов», и он должен был их помнить.

Поэтому он мог полагаться только на осязаемые, реальные рычаги власти.

На положение и силу, на деньги и вооружение... На все то, что сможет защитить его, даже если он перестанет быть «богом».

Следовательно, ему необходимо было любым способом обрести реальное положение и власть в «человеческом обществе». Он должен был поступить на государственную службу, и не на какую-нибудь мелкую должность.

Только так он сможет использовать все, что хранится у него в голове, не боясь превратиться в узника, у которого будут бесконечно что-то требовать.

Чу Цзюбянь посмотрел на удаляющуюся стройную фигуру, и в его глазах мелькнула тень.

Они втроем шли по извилистым дворцовым дорожкам. Евнухи и служанки, случайно встречавшиеся на пути, завидев издалека Цинь Сяо, молча становились на колени по обеим сторонам дороги и вставали, лишь когда он проходил.

Сначала Чу Цзюбянь поворачивал голову, чтобы взглянуть на них, но, увидев эту картину несколько раз, перестал обращать внимание.

Примерно через время, равное одной чашке чая (около 15 мин), их пути с Цинь Сяо разошлись. Пройдя еще примерно четверть часа, Чу Цзюбяня наконец привели к месту назначения — Яотайцзюй (Обитель Нефритовой Террасы).

Это был двор средних размеров. Пространство внутри, включая два главных здания и два боковых флигеля, составляло менее двухсот квадратных метров, но содержалось в идеальной чистоте. Видимо, прислуга здесь не смела расслабляться.

И неудивительно: от этого двора до Янсиндяня (Дворца Воспитания Сердца), где находились маленький император и Цинь Сяо, было меньше четверти часа ходьбы. Кто бы посмел халатно относиться к своим обязанностям?

Завидев их прибытие, пятеро евнухов и служанок в дворцовых одеждах, согнувшись, быстро вышли из разных уголков двора и молча опустили на колени сбоку.

«Раньше здесь жила вдовствующая императрица Дуань (Дуань Тайфэй), — пояснил Цинь Чаоян, не обращая внимания на прислугу и обращаясь к Чу Цзюбяню. — Этот двор находится очень близко к Янсиндяню. И название у него — Яотайцзюй, очень подходит вашему статусу».

Яотай — в легендах обитель небожителей. Действительно, сейчас отдать ее Чу Цзюбяню было весьма уместно.

Это, несомненно, было сделано по указанию Цинь Сяо. Поверил ли он на самом деле в божественность Чу Цзюбяня или просто использовал такое название, чтобы подшутить над ним — оставалось только гадать.

Чу Цзюбянь мысленно усмехнулся, но на лице сохранил невозмутимость: «Благодарю».

Цинь Чаоян вежливо ответил и только потом обратил взгляд на стоявших на коленях неподалеку людей, повысив голос: «Хун Сян».

«Слуга здесь». Тот из пятерых, кто стоял впереди всех, тут же поднялся и, согнувшись, быстро подошел, отвесив поклоны сначала Цинь Чаояну, затем Чу Цзюбяню.

«Этот...» Цинь Чаоян хотел обратиться к Чу Цзюбяню, но понял, что не знает его имени. Впрочем, он и не спросил: «...господин. Этот Сяо Сянцзы — человек толковый, впредь будет у вас на побегушках. Если что-то понадобится, можете поручать ему».

Чу Цзюбянь оглядел маленького евнуха перед собой.

Тот был одет в темно-зеленое дворцовое платье, ростом едва ли метр семьдесят, с нежным, юным лицом — казалось, ему не больше тринадцати-четырнадцати лет.

Маленький евнух снова опустился на колени, поклонился Чу Цзюбяню и звонко произнес: «Господин, отныне Сяо Сянцзы будет прислуживать вам».

«Тебя зовут Хун Сян?» — спросил Чу Цзюбянь.

«Да».

«Встань».

Маленький евнух поднялся, бесшумно отошел в сторону и замер, не произнося ни слова — видно, правила этикета были усвоены им превосходно.

Хун Сян.

Чу Цзюбянь невольно вспомнил евнуха Хун Фу, прислуживавшего маленькому императору. Интересно, в каких отношениях он с этим маленьким евнухом?

Но можно было с уверенностью сказать, что этот маленький евнух Хун, как и четверо других слуг во дворе, — люди Цинь Сяо.

Естественно, вокруг этого двора также скрывалось несколько пар глаз, неусыпно следивших за Чу Цзюбянем. Скорее всего, это были тайные стражи (аньвэй) клана Цинь.

«Прошу господина спокойно располагаться. Когда господин (Цинь Сяо) освободится, он, полагаю, сам придет к вам», — сказал Цинь Чаоян.

Этот человек внешне был вежлив и предупредителен, слова его звучали участливо, но каждое, казалось, имело подтекст, заставляя додумывать.

Как и сейчас: подтекст был ясен — пусть Чу Цзюбянь тихо сидит, а когда Цинь Сяо захочет его видеть, он сам придет.

Убедившись, что все во дворе устроено надлежащим образом, Цинь Чаоян откланялся и ушел.

Чу Цзюбянь воспользовался случаем, чтобы обойти свое временное жилище: два главных здания, боковые флигели по обеим сторонам, за домом — маленькая кухня.

Здесь все было готово, Чу Цзюбянь мог делать во дворе все, что угодно.

Он действительно направился проверить свою догадку к воротам двора, Хун Сян неотступно следовал за ним. И как только одна нога Чу Цзюбяня переступила порог, тот, как и ожидалось, остановил его: «Господин, господин (Цинь Сяо) велел, чтобы вы не покидали двор».

Вот именно — домашний арест.

Но, по крайней мере, есть еда, питье и возможность жить с комфортом, так что Чу Цзюбянь не привередничал.

В тюрьме он так и не пообедал, сейчас проголодался и сказал: «Принеси мне что-нибудь поесть и вскипяти воды, я хочу помыться».

«Слушаюсь». Сяо Сянцзы отозвался и, повернувшись, отдал распоряжение другому маленькому евнуху.

Тот поспешил на кухню.

При мысли о том, что снова придется есть эту мясную похлебку или кашу из неочищенного риса, у Чу Цзюбяня начинало болеть в желудке. Но сейчас горло было повреждено, и он

действительно мог есть только жидкое.

Он снова вспомнил о вкусных жареных блюдах, а вместе с ними — о железном котле.

Но сейчас всю добываемую руду использовали дляковки оружия, разве могли дать ему на котел?

Что ж, возможность еще представится.

Дождь прошел, и снова наступила палящая, душная летняя жара. Чу Цзюбянь взглянул на небо и зашел в главное здание.

В передней части главного здания располагались кабинет и гостиная, в задней — спальня. Все комнаты были обставлены изящно и со вкусом, без лишних или особо ценных безделушек — все было уместно.

Чу Цзюбянь подошел к письменному столу. На столе лежали кисти, тушь, бумага и тушечница, но бумага на вид была грубой и желтоватой, ни в какое сравнение с современной белой бумагой.

К тому же бумаги было очень мало, зато на книжных полках рядами лежало множество бамбуковых планок (цзянь).

Значит, в эту эпоху бумага была еще большей редкостью. Технология ее изготовления, возможно, находилась под контролем кланов или удельных князей, цена была высокой, и позволить себе бумагу могли лишь знатные семьи.

А что, если бы он смог делать бумагу...

Чу Цзюбянь тут же отбросил эту мысль.

Не говоря уже о таком деле, как производство бумаги, которое подорвет основы кланов, даже стекло, мыло и тому подобное пока делать нельзя.

Тогда что же он может?

«Господин, вода вскипела. Желаете обтереться сейчас?» — голос Хун Сяна вывел Чу Цзюбяня из раздумий.

Он отозвался, поднялся и направился в спальню.

Там стояла деревянная бадья высотой по пояс, в ней плескалась теплая вода, расходясь легкой рябью.

Чу Цзюбянь снял одежду и сел в бадью. При ярком дневном свете на его теле можно было разглядеть множество неровных, бледных шрамов.

Он не позволил прислуживать, но Сяо Сянцзы все равно остался за ширмой — не только на случай, если понадобится, но и чтобы следить за ним.

После дождя снова становилось жарко, и Хун Сян за ширмой обмахивался пальмовым опахалом.

Чу Цзюбянь, глядя на колеблющуюся на ширме тень от опала, на мгновение задумался, и вдруг его глаза загорелись.

Точно! Он может делать лед!

В эту эпоху, вероятно, уже была селитра (сяоши), и воды тоже было вдоволь. Оба этих компонента не требовали от него больших усилий. А когда лед будет готов, он сможет пользоваться им немедленно, в отличие от стекла, которое пока только предмет роскоши.

И, самое главное, даже если другие узнают принцип этого «чуда», ему не будет жалко.

Более того, он хотел бы распространить этот метод, дав ему свое имя, например, «метод получения льда Цзюбяня» или что-то в этом роде.

Тогда его слава обязательно вырастет, а вместе с ней — и очки веры.

Чем больше он думал об этом, тем более реальным казался план.

Чу Цзюбяню не терпелось немедленно приступить к изготовлению льда.

«Сяо Сянцзы», — позвал он.

«Слуга здесь». Сяо Сянцзы тут же встал и вышел из-за ширмы.

Чу Цзюбянь убрал руки, лежавшие на краю бадьи, и глубже погрузился в воду, оставив над поверхностью только шею и голову.

«Что прикажете, господин?» — почтительно спросил Сяо Сянцзы.

Чу Цзюбянь: «Ты знаешь, что такое селитра (сяоши)?»

«Селитра?» — Сяо Сянцзы выглядел озадаченным. «Слуга не знает, но могу узнать для вас».

«Хорошо, узнай для меня», — мягко сказал Чу Цзюбянь.

«Слушаюсь, сейчас же». Сяо Сянцзы повернулся и вышел из спальни, позвав другую маленькую служанку прислуживать Чу Цзюбяню.

Чу Цзюбянь, естественно, не позволил бы девушке помогать ему мыться и одеваться, поэтому просто велел ей оставаться за ширмой.

Закончив мыться, он кое-как вытер волосы и переоделся в новую одежду.

Это была темно-синяя мантия с круглым воротом, похожая на чиновничье платье эпохи Мин в его родном мире. На ней были вышиты серебряные облака, а из-под круглого ворота выглядывал край красной нижней рубашки, что смягчало мрачность темно-синего и добавляло яркости.

Ткань, от подкладки до верха, была парчовой, несравнимо лучше той грубой холстины, что растирала нежную кожу Чу Цзюбяня.

Чу Цзюбянь подпоясался темным поясом и, с влажными волосами, вышел в гостиную и сел за обеденный стол.

Обед только что принесли, еще горячий.

И, к приятному удивлению, на этот раз основным блюдом оказался овощной суп с яйцом. Это было намного лучше мясной похлебки, от которой его уже тошнило.

Чу Цзюбянь залпом выпил три миски супа.

В это время вернулся и Сяо Сянцзы, бегавший узнавать про селитру. Он улыбнулся Чу Цзюбяню, показав две глубокие ямочки на щеках: «Господин, господин (Цинь Сяо) сказал, что во дворце есть нужная вам селитра. Как только у него будет время, он сам принесет ее вам».

Чу Цзюбянь взглянул на него.

Значит, даже не скрывается, сразу побежал докладывать новости Цинь Сяо?

Ладно, это тоже неплохо. Все всё понимают, лучше действовать открыто.

Но Цинь Сяо так легко согласился? Даже не спросил, зачем ему селитра?

Чу Цзюбяню казалось, что тут какой-то подвох.

«Господин, это лекарственное масло господин (Цинь Сяо) велел мне передать вам». Сяо Сянцзы достал из рукава маленькую фарфоровую бутылочку и поставил на стол. «Сейчас я натру вас им».

Цинь Сяо — такой добрый?

Чу Цзюбянь поднял руку и коснулся шеи. Боль все еще чувствовалась, более того, жжение в гортани стало даже сильнее, чем вчера — вероятно, небольшой отек и воспаление.

Но после удушения это нормально, пройдет через несколько дней. У Чу Цзюбяня был большой опыт.

Он взял бутылочку с маслом и подумал: а не отравил ли это? Чтобы Цинь Сяо мог легче контролировать его?

[Здравствуйте, хозяин. Система автоматически просканировала подозрительный предмет. Подтверждено: это функциональное лечебное масло, способствует рассасыванию гематом и улучшению кровообращения].

У системы есть такая функция!

Глаза Чу Цзюбяня блеснули. Значит, теперь он совершенно не боится отравлений?

[Здравствуйте, хозяин. Функция обнаружения платная. За данное автоматическое сканирование списано одно очко веры. Для проверки других предметов можете напрямую вызвать систему для совершения сделки].

Чу Цзюбянь: «...»

А спросить меня, можно ли списать, ты не забыл?!

Он с болью в сердце взглянул на оставшиеся очки веры. Сам он купил лекарства всего на полочка, а система, не будь душой, сразу списала целый балл.

Видно, нужно быстрее набирать очки веры.

Изготовление льда из селитры еще требовало времени, и эффект его был неизвестен. Вдруг

Цинь Сяо напрямую присвоит его славу, и тогда очков веры не видать.

Нельзя класть все яйца в одну корзину.

Чу Цзюбянь медленно ходил по комнате, подошел к книжному шкафу у стены и наугад открыл бамбуковую книгу. Оказалось, это был сборник стихов.

Он быстро пролистал его и заметил, что эти стихи уже имеют основные формы, такие как ритмические модели (гэлюй) и названия мелодий (цыпай), но ни одно из них не совпадало со стихами из его родного мира.

В голову пришла мысль, он поднял глаза и посмотрел на нескольких евнухов и служанок, прислуживавших в комнате. Их манеры и речь указывали на то, что они, скорее всего, грамотны.

Раз грамотны, значит, должны разбираться и в поэзии?

Судя по описанию в оригинальной книге, поэзия в эту эпоху развита неплохо, и этот сборник служит тому подтверждением. К тому же в династии Нин придерживаются порядка «ши-нун-гун-шан» (ученые-земледельцы-ремесленники-торговцы), и статус литераторов очевиден.

Если бы ему удалось сначала прославиться среди этих ученых мужей, возможно, он смог бы получить немного очков веры.

Чу Цзюбянь только что «спустился на землю» и, тоскуя по друзьям из небесной обители, переписывает стихи своих друзей, чтобы почтить их память — это ведь тоже объяснимо, правда?

А его друзьями, естественно, являются жившие с ним в небесной обители бессмертные поэты: Ли Бо (Бессмертный поэт) и Су Ши (Божество поэзии).

Их стихи, помещенные в эту эпоху, где поэзия уже достигла определенного развития, будут не только уместны, но и покажутся еще более ценными и неземными.

Благоговение и вера часто неразделимы. Ему нужно лишь убедить всех, что эти стихи написаны его друзьями из небесной обители, и тогда его статус «божества» укрепитя еще сильнее.

К тому же, если даже Цинь Сяо не поверит в его божественность, он, по крайней мере, поймет, что Чу Цзюбянь не одинок, и будет опасаться его «друзей» за спиной, не решаясь действовать против него с легкостью.

Чу Цзюбянь посмотрел на Сяо Сянцзы и спросил: «Сяо Сянцзы, ты учился грамоте? Знаешь иероглифы?»

«Я несколько лет учился у своего наставника», — честно ответил Сяо Сянцзы. «Мой наставник — Хун Фу, главный евнух при Его Величестве».

Так и есть.

Чу Цзюбянь снова сказал: «Тогда разотри мне тушь, я хочу кое-что написать».

<http://bllate.org/book/17024/1584019>